

ФИЛОСОФИЯ ПОЗНАНИЯ

Е.А. Лисина

ТЕОРИЯ РИТУАЛА: СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ

Аннотация: целью работы стало освещение наиболее значимых концепций ритуала в современной зарубежной науке. Автор рассматривает концепцию Ф. Сталя о «бесмысленности» ритуала, эпистемологию ритуального в работах К. Белл, этнологическую теорию ритуала Р. Рапппорта, концепцию Р. Граймса о социальной значимости ритуала. Материалом исследования стали еще не переведенные на русский язык монографические работы указанных ученых. Обобщая опыт исследования ритуала в трудах наиболее авторитетных исследователей вопроса, автор приходит к следующему выводу. Работы виднейших современных теоретиков в области ритуала едины в понимании того, что ритуальность, признаваемая как ежедневная данность нашей реальности, является одним из наиболее мощных известных человеку механизмов противостояния потрясениям и катастрофам — как социально-политического, так и экологического характера. Результаты и материалы статьи могут быть использованы в исследованиях по теории ритуала, истории современной социально-философской мысли.

Ключевые слова: философия, ритуал, теория ритуала, этология, семиотика ритуала, антропология, традиции, современность, зарубежная наука, исследование ритуала.

Ритуальное, ритуал, ритуальность являются весьма важными объектами исследования современной антропологии. Одна из лидирующих теоретиков ритуала Кэтрин Белл писала: «ритуал стал одновременно объектом, методом и даже чем-то вроде стиля американской академической науки»¹. Это высказывание справедливо по отношению не только к науке США, но и ко всей мировой науке. После открытий А. Геннепа и В. Тернера, на материалах возрастающего множества полевых исследований ритуальных действий, начала свое формирование общая теория ритуала, наиболее ярко представленная именами Ф. Сталя, К. Белл, Р. Рапппорта, Р. Граймса. Их идеи — своего рода реплики в диалоге о том, чем же является ритуал, какова его роль в истории и современности, как и зачем использовать ритуальные действия каждому из нас.

Теория Ф. Сталя о «бесмысленном ритуале» и ее развитие

Одним из первых «чистых» теоретиков, который осмеливался писать об общих закономерностях ритуального, стал почетный профессор университета Беркли

Ф. Сталь. Его весьма провокативная теория ритуала формировала одну из важнейших тенденций представления ритуального в современной науке². Утверждая, что ритуал «бесмыслен», Сталь не только уточняет принципиальные положения семиотики ритуального, но и сужает предметную сферу ритуалистики, отграничивая ритуал от других видов духовной и телесной деятельности человека.

Теория Сталя связана с его исследованием древнеиндийской философии, грамматики, науки. Сталь, в частности, доказывает, что ритуалистика в Древней Индии — это фактически наука, сравнимая с древнеиндийской грамматикой, гуманитарная наука. Если европейская наука, логика, базировались на теоретической, абстрактной математике, то индийская базировалась на изучении ритуала, то есть исходила из гуманитарных начал.

В отличие от распространенного взгляда на знаковую природу ритуала, Ф. Сталь настаивает на отсутствии в нем символического значения, приводя в качестве аргумента высказывание Айседоры Дункан: «Если бы я могла высказать то, что я выражаю танцем, не нужно было бы

¹ Bell C. Ritual Theory, Ritual Practice. Oxford University Press, 1992. P. 5.

² См., в частности: Staal F. Ritual and mantras: rules without meaning. Motilal Banarsidass Publ., 1996. 490 p.

танцевать»³, и отмечает, что ритуал управляется правилами синтаксиса, но не подобен языку, т.е. не имеет знаковой природы.

Сталь утверждает: важнейшая часть в ритуале — не мысли, верования и слова, но действия. Он высказывает мнение о том, что христианское убеждение в символизме ритуала, сформировавшее дальнейшую научную традицию, восходит к каролингскому возрождению, когда впервые была сформулирована идея о том, что церковные ритуалы символизируют приход Христа и историю спасения, то есть в ритуал были привнесены религиозные значения; но не они породили его. Ритуал не является, по Сталю, выражением мифологической или религиозной идеи и образности, но является их дополнением и альтернативой,

Сталь высказывает спорный тезис о том, что «Ритуал — это чистая активность, без значения или цели»⁴, что, однако, не означает, что он бессмыслен; напротив, он «конструирует собственную цель»⁵; его ценность — это присущая только ему, внутренняя ценность. Так, видимая цель ритуала (обновление огня, установление границ и т.д.) не составляет его истинной цели: простое перенесение огня на новый алтарь или простое проведение границ не будет равноценно ритуалу (в отличие от обыденной жизни, где цель важнее процесса ее достижения). Ритуал, как и игра, включает свою цель в себе; подобно игре, он обладает успокаивающим эффектом; в отличие от игры, ритуал нельзя даже проиграть⁶. Одним из важных аргументов позиции Сталя является то, что схожие ритуалы используются в различных ритуальных комплексах, то есть значение ритуала не закреплено за определенным учением, но гнездится в сути самого ритуала.

Сталь делает важные методологические замечания: во-первых, нужно избавиться от иллюзии какой-либо «принадлежности» ритуала (религиозной, мифологической и т.д.); во-вторых, ритуал нужно изучать с гораздо большей глубиной, чем обычно это делается в рамках религиоведения и социологии; в-третьих, ритуал нужно исследовать с более общих и абстрактных оснований, чем это когда-либо было сделано.

³ Staal F. Ritual and mantras: rules without meaning. Motilal Banarsidass Publ., 1996. P. 116.

⁴ Ibid. P. 131.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid. P. 133.

Последняя задача — во многом дело будущего⁷. Из этих посылок происходят методологические выводы: ритуал должен изучаться отдельно, как таковой, с привлечением достижений зоопсихологии — именно ее, так как ритуал, по мнению ученого, восходит к до-человеческому и до-цивилизационному состоянию.

Сталь особенно много внимания уделяет культуре Индии и Китая, «величайшим цивилизациям планеты, наиболее перспективным, с наиболее богатым прошлым»⁸, в культуре которых ритуал занимает особое место.

Среди последователей Сталя, придерживающихся его взгляда на ритуал как иерархически организованную динамическую структуру, — Ричард Пейн, исследовавший ритуалы японского буддизма⁹, Р. Гейн, рассматривавший динамику ритуала на примере сравнительного анализа ближневосточных традиций¹⁰. Р. Гейн в начале предисловия к своей монографии цитирует также работу Х. Хьюберта и М. Маусса «Жертвоприношение: его природа и функции», написанную в 1898 г., утверждая, что эти авторы многое сказали об общей динамической структуре ритуала:

- 1) это динамический, целенаправленный процесс, включающий взаимодействие с трансцендентной сферой;
- 2) это процесс, который проходит по заданному курсу, без перерывов с начала до конца;
- 3) он может включаться в более сложные формулы поведения¹¹.

Близкая к идеям Сталя концепция «неискренности» ритуала выражена и в книге «Ритуал и его последствия. Эссе о пределах искренности»¹². Авторы книги приходят к четырем важнейшим методологическим заключениям. Во-первых, они утверждают, что ритуалы создают воображаемую или условную («как бы») Вселенную, которая и делает возможным наше бытие в общем социальном мире. Во-вторых, ритуальность пронизывает как

⁷ Ibid. P. 141.

⁸ Ibid. P. 143.

⁹ Payne R. Feeding the Gods: The Shingon Fire Ritual: PhD. dissertation. Graduate Theological Union, 1985. 487 p.

¹⁰ Gane R. Ritual dynamic structure. Gorgias Press LLC, 2004. 398 p.

¹¹ Ibid. P. 1.

¹² Ritual and its consequences: an essay on the limits of sincerity / ed. by A.B. Seligman. Oxford University Press, 2008. 229 p.

религиозные, так и светские области жизни, и на фоне этих всепроникающих элементов ритуальности, держащих общество, вопрос о «неискренности», в которой часто «обвиняют» ритуал, должен ставиться иначе. Поэтому, в-третьих, ритуал не должен противопоставляться «истинности» и «искренности», но он должен быть оценен как «ритмически выстроенная структура совместно принимаемой условности»¹³.

Последнее принципиальное положение — о том, что восстановление и признание прав ритуала необходимо для преодоления трудностей, одолевших нынешнее столетие и пронизывающих все сферы существования: «Ритуалы, создавая временную упорядоченность, способствуют построению желательного «как бы» мира и позволяют нам в нем существовать»¹⁴. Условность ритуала, таким образом, оказывается поводом для признания равенства и открытости других условных миров. Авторы особенно выделяют способность ритуалов одновременно соединять и разделять: в этом отношении ритуал находится в оппозиции как процессам глобализации (снятия границ), так и процессам локализации (нерушимость границ). В этом подходе ритуал, как и в теории Сталя, значим сам по себе, а не как средство выражения высшего смысла: «ритуал, по нашему глубокому убеждению, лучше всего рассматривать через то, что он, собственно, делает и к чему приводит, нежели через то, что он может означать»¹⁵.

Можно сказать, что теория Сталя, при всем провокативном педалировании «бесмысленности» (а в действительности уникальности означаемого) в ритуале, освободила ритуал из пут мифологических штудий. Как в Новое время философия перестала быть служанкой теологии, так и после Сталя ритуалистика стала самостоятельной дисциплиной, и начала развиваться теория ритуала как такового.

«Чистая» теория ритуала Кэтрин Белл

Кэтрин Белл, профессор, преподававшая в университете Санта Клары (Калифорния), была

исследователем теории религии, а также религий Азии, традиций Китая. Первая же ее книга «Ритуальная теория, ритуальная практика»¹⁶ получила премию Американской академии религии как лучшая книга года по истории религий и стала классикой ритуалистики.

К.Белл одной из первых поставила своей задачей обращение не к отдельным этнографическим обрядам и опыту полевых исследований, но к ритуалу как таковому: «моя стартовая позиция — исследование того, что заставляет нас идентифицировать некоторые действия как ритуал, как эта категория помогает создавать и упорядочить познание о другой культуре, и как мы можем оценить те послышки, которые создают и конструируют понятие ритуала»¹⁷.

Если первая книга К.Белл была направлена на исследование противопоставления мысли и действия в ритуале, то вторая была заявлена как «более цельное и прагматичное исследование множественных измерений ритуала»¹⁸ включающее, в частности, исторический обзор религиозной ритуалистики, обзор ритуалов и ритуалоподобных действий, а также описание социально-культурного контекста формирования ритуальных практик (и, в дальнейшем, теорий).

Рассмотрев ритуал в столь различных его измерениях, Кэтрин Белл приходит к выводу о том, что «ритуал» — это относительно новый термин, который служит нам для преодоления ряда социально-культурных различий, включая дихотомию научной объективности, обобщения — и культурного партикуляризма и местничества»¹⁹; «нет сомнений, что ритуал стал одним из способов, которым мы структурируем и интерпретируем наш мир»²⁰.

Работы К. Белл стали поворотным моментом в исследовании ритуала как такового, она стала одним из первопроходцев «чистой» теории ритуала (хотя она занималась и полевыми исследованиями сохранившихся ритуальных традиций Китая, Азии). Ее работы сформировали новое поле для определения ритуала как

¹³ Селигман А., Веллер Р., Пьет М., Саймон Б. Да здравствует ритуал! (Ритуалы и их последствия: там, где не нужна искренность): введение к книге // Историческая психология и социология истории. 2009. № 2. С. 175.

¹⁴ Там же. С. 176.

¹⁵ Ibid. P. 181.

¹⁶ Bell C. Ritual Theory, Ritual Practice. Oxford University Press, 1992. 288 p.

¹⁷ Ibid. P. 7.

¹⁸ Bell C. Ritual: Perspectives and Dimensions. Oxford University Press, 2009. P. XI.

¹⁹ Ibid. P. 267.

²⁰ Ibid.

ситуационной и стратегической деятельности, которая может быть распознана и понята только в соотношении и взаимодействии с другими видами деятельности, точно так же как и значение символа может быть распознано только в системе других символов.

Говоря словами Кэтрин Белл, в качестве герменевтического инструмента ритуал неизбежно что-то исправляет и что-то искажает, или, иначе говоря, он рассматривает проблемы путем сдвига самой основы их возникновения²¹. Тем не менее, ритуал пока что остается наиболее действенным ритуалом социальной стабилизации, — таков в самом общем виде вывод, к которому разными путями подходит современная теория ритуала.

Ритуал и этология в работах Роя Рапппорта

Если Ф. Сталь исследовал знаковую природу ритуала (и пришел к ее отрицанию), К. Белл занималась эпистемологической и социальной функциями ритуального, то известный антрополог Р. Рапппорт, следуя идее о до-человеческом генезисе ритуальности, вывел ключевую для современной теории ритуала идею о соприродности ритуала, об альтернативности ритуального пути как безопасного для экологии.

Рой Рапппорт создал собственную теорию ритуала, связанную с экологией человека. Одной из наиболее важных его работ, посвященных ритуалу, стала монография «Ритуал и религия в становлении человека»²², написанная с опорой на структурализм и эколого-этологический подход. Антрополог определяет ритуал как «последовательность более или менее неизменных формальных действий и высказываний, не полностью ясных для исполнителей»²³. В этой посылке явно следование концепции Ф. Сталя, однако Р. Рапппорт разворачивает проблему сути ритуального не в отношении мифологии, но в отношении происхождения человека.

В методологическую базу исследований Рапппорта включены эволюционная теория, теория коммуникации и теория систем, семиотика и многое другое. Рапппорт, как и большинство

современных исследователей, далеко не ограничивает сферу действия ритуала религиозной жизнью; более того, следуя исследованиям этологов, он распространяет понятие ритуала и на действия животных. Здесь мы находим аргументацию позиции Сталя с новой, неожиданной стороны.

Рапппорт настаивает, что «ритуал не вполне символичен, и это одна из наиболее важных и интересных его особенностей»²⁴. Он утверждает, весьма точно, что «форма и сущность нераздельны в любом перформансе любого ритуала»²⁵, так же нераздельны, как нераздельны грамматические форма и значения наклонений глагола. Ритуальная форма, как замечает далее Рапппорт, не является простым медиумом для влагаемого в нее иносказательного смысла; форма не менее значима: «Форма ритуала <...> добавляет нечто к его значению, нечто, что символически закодированное значение само по себе выразить не может»²⁶; о значительности ритуальной формы говорит и ее неизменность, в то время как толкование может изменяться. Ни одно общество, замечает Рапппорт, не обходится без ритуальности; а значит, ритуал является уникальным и незаменимым социальным механизмом, который исследователь называет «основополагающим для человечества»²⁷.

Работы Р. Рапппорта, как и книги К. Белл, являются примером «метаритуальных», теоретических исследований, в которых акцент сделан на природе, структуре, происхождении ритуала, причем эти вопросы рассматриваются на максимально широком материале, включающем как ритуалы различных религий, так и повседневные.

Рассматривая современный мир во всей сложности его экологического состояния, идеологий, религиозных течений, тенденций глобализации и локализации, Рапппорт увидел ритуал как своего рода культурно-экологическую универсалию, вариант интеллектуальной религии современности. Его определение ритуала не проводит жестких границ между сакральным и обыденным, социумом и индивидуумом, цивилизацией и природой.

²¹ Ibid. P. 267.

²² Rappaport R.A. Ritual and religion in the making of humanity. Cambridge University Press, 1999. 535 p.

²³ Ibid. P. 24.

²⁴ Ibid. P. 26.

²⁵ Ibid. P. 30.

²⁶ Ibid. P. 31.

²⁷ Ibid.

Наука как ритуал и ритуал как наука в трудах Рональда Граймса

Рональд Граймс, почетный профессор университета им. Уилфрида Лориера (Канада), автор и редактор множества изданий о ритуале²⁸, является на сегодня одним из лидеров мировой ритуалистики. В книге «Неуместный обряд: ритуал, медиа и искусство»²⁹ он замечает, что сконцентрированность современных исследований ритуала на магистральных религиозных традициях придает теории ритуала неизбывную консервативность. Его исследования — вызов традиционной теории ритуала, построенной на религиозных обрядах; материалом для его работ послужили, в частности, такие области, как театр, телевидение, наука, природная среда и так далее.

Методологическая позиция Граймса необычна. Вот как формулирует свою точку зрения ученый: «Я иду по тонкой линии, отделяющей научную литературу от популярной. <... > Моя цель — не столько сообщить информацию об обрядах перехода в различных религиях и культурах, сколько вызвать к разговору, в котором читатель мог бы поразмышлять над собственными опытами переходных состояний»³⁰. Замечая, что «ритуал и теория не всегда счастливы вместе» (*Ritual and theory are not a happily married couple*)³¹, Р. Граймс в своей речи при вступлении в должность профессора университета Неймегена

(Нидерланды) метафорически характеризует основные проблемы теории ритуала: «Ритуал коллективен и телесен; теория — бестелесна, она пленница академической башни из слоновой кости. Ритуал — достояние обычных людей; теорией заняты люди образованные, или, того хуже, прикрывающие ею свое безделье»³².

Он точно формулирует необоснованность теоретических заключений отдельных о ритуале на материале полевых исследований: ученый, исследующий живые ритуалы, «слышит историю о странном ритуальном поведении. В процессе собирания информации о ритуале он преодолевает сложности и возвращается к теоретизированию о нем. Основываясь на все ширящейся сравнительной перспективе, <...> он теоретизирует и рассказывает. <...> В итоге ритуал — это нечто, сконструированное в СМИ, представленное на фотографиях и видео. Ритуал полностью секвестрирован. Не доступный более как объект исследования, он стал объектом научного изучения на основании воображения и умозрительных построений»³³.

Рассматривая сам процесс научного поиска как своего рода ритуал, Граймс отчасти иронизирует: «теоретизирование — ритуализованная деятельность ученых. Волшебным образом она претворяет ритуал в данные. <...> В то время как народ Хопи раскрашивает свои лица, академики надевают темные одежды и забавные головные уборы. <...> Каждый танцует свой танец»³⁴. Из этих парадоксальных посылок ученый делает вывод о сопоставимости ритуала и научного теоретизирования — как в плане универсальности, так и в плане серьезности производимых действий.

Важно отметить, что Граймс, справедливо утверждая, что миф и ритуал далеко не всегда взаимообъяснимы и взаимовыражаемы, вводит понятие «ритуального нарратива» и включает такие «частные» рассказы об индивидуальном ритуальном опыте в свои работы. Это важный шаг к расширению «полевых исследований» ритуального в область современного, спонтанного, внерелигиозного ритуального поведения.

Как и другие современные исследователи, Р. Граймс приходит к выводу о том, что «сегодня ритуал помогает объединять и настраивать

²⁸ См. в частности: Grimes R. Reading, Writing, and Ritualizing: Ritual in Fictive, Liturgical and Public Places (Parish studies). Pastoral Press, 1993. 312 p.; Grimes R. Symbol and Conquest: Public Ritual and Drama in Santa Fe, New Mexico. University of New Mexico Press; 1992. 281 p.; Grimes R. Reimagining ritual theory: John Bourke among the Hopis. Nijmegen, 2006. 20 p.; Grimes R. Deeply Into the Bone: Re-Inventing Rites of Passage. University of California Press, 2002. 393 p.; Grimes R. Ritual Criticism: Case Studies in Its Practice, Essays on Its Theory. Booksurge Llc, 2010. 218 p.; Grimes R. Beginnings in Ritual Studies. — CreateSpace, 2010. 272 p.; Grimes R. Marrying & Burying: Rites of Passage in a Man's Life. CreateSpace, 2010. 298 p.; Readings in ritual studies / Ed. by Grimes R. Prentice Hall, 1996. 577 p.

²⁹ Grimes R.L. Rite out of Place: Ritual, Media, and the Arts. Oxford University Press, 2006. 216 p.

³⁰ Grimes R. Deeply Into the Bone: Re-Inventing Rites of Passage. University of California Press, 2002. P. 8.

³¹ Grimes R.L. Reimagining ritual theory / Inaugural Oration. Faculty of Religious Studies. Radboud University Nijmegen, April 27, 2006. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://webdoc.ubn.ru.nl/mono/g/grimes_r/reimrith.pdf

³² Ibid.

³³ Ibid.

³⁴ Ibid.

жизнь на планете, все более подверженной глобализации»³⁵. Универсальность пропагандируемого в последние столетия западного образа жизни сегодня переосмысливается во всем мире, и свойственная для традиционных культур подверженность ритуалу выступает как противодействие западному агрессивно-завоевательному мышлению, приводящему к конфликтам человека с человеком, с обществом, с природой. «Если мы рождаемся и умираем без ритуальности, то мы делаем это на основе технологий, вращивая технократические ценности в самую плоть и кровь. Технология без ритуала (или, что еще хуже, технология как ритуал) легко дегенерирует в знание без почитания. А знание без почитания — формула уничтожения мира»³⁶.

Исследования Граймса демонстрируют одно из наиболее любопытных направлений в ритуалистике современности: проводя знак равенства между процессами познания в науке и ритуале, рассматривая ритуал как один из способов освоения бытия человеком, Граймс на современном материале доказывает важность и, более того, неизбежность ритуального опыта в истории человечества и его повседневности. Можно сказать, что в трудах Граймса мысль о терапевтическом и социальном эффекте риту-

ального выражена с наибольшей отчетливостью и доказательностью.

Заключение

Изобилие этнографического материала и дескриптивных трудов по проблемам ритуала привело в итоге к формированию нескольких важнейших вопросов:

- какова культурно-социальная «принадлежность» ритуала? как соотносится ритуал с другими видами деятельности?
- что понимать под символизмом ритуала?
- каковы механизмы воздействия ритуала и как они могут применяться в современности?

Работы виднейших современных теоретиков в области ритуала предлагают свои ответы на эти вопросы, не всегда совпадающие. Однако можно выделить общее заключение, к которому приходят ученые всего мира, исследуя ритуалы: вероятно, ритуальность, признаваемая как ежедневная данность нашей реальности, является одним из наиболее мощных известных человеку механизмов противостояния потрясениям и катастрофам — как социально-политического, так и экологического характера.

Список литературы:

1. Bell C. *Ritual Theory, Ritual Practice*. — Oxford University Press, 1992. 270 p.
2. Bell C. *Ritual: Perspectives and Dimensions*. — Oxford University Press, 2009. 351 p.
3. Gane R. *Ritual dynamic structure*. — Gorgias Press LLC, 2004. 398 p.
4. Grimes R. *Beginnings in Ritual Studies*. — CreateSpace, 2010. 272 p.
5. Grimes R. *Deeply Into the Bone: Re-Inventing Rites of Passage*. — University of California Press, 2002. 393 p.
6. Grimes R. *Marrying & Burying: Rites of Passage in a Man's Life*. — CreateSpace, 2010. 298 p.
7. Grimes R. *Reading, Writing, and Ritualizing: Ritual in Fictive, Liturgical and Public Places (Parish studies)*. — Pastoral Press, 1993. 312 p.
8. Grimes R.L. *Reimagining ritual theory / Inaugural Oration*. Faculty of Religious Studies. Radboud University Nijmegen, April 27, 2006. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://webdoc.ubn.ru.nl/mono/g/grimes_r/reimrith.pdf
9. Grimes R. *Reimagining ritual theory: John Bourke among the Hopis*. — Nijmegen, 2006. 20 p.
10. Grimes R. *Rite out of Place: Ritual, Media, and the Arts*. — Oxford University Press, 2006. 216 p.
11. Grimes R. *Ritual Criticism: Case Studies in Its Practice, Essays on Its Theory*. — Booksurge Llc, 2010. 218 p.
12. Grimes R. *Symbol and Conquest: Public Ritual and Drama in Santa Fe, New Mexico*. — University of New Mexico Press; 1992. 281 p.
13. Payne R. *Feeding the Gods: The Shingon Fire Ritual: PhD. dissertation*. — Graduate Theological Union, 1985. 487 p.

³⁵ Grimes R. *Deeply Into the Bone: Re-Inventing Rites of Passage*. University of California Press, 2002. P. 13.

³⁶ Ibid. P. 13.

14. Rappaport R.A. Ritual and religion in the making of humanity. — Cambridge University Press, 1999. 535 p.
15. Readings in ritual studies / Ed. by Grimes R. — Prentice Hall, 1996. 577 p.
16. Ritual and its consequences: an essay on the limits of sincerity / ed. by A.B.Seligman. — Oxford University Press, 2008. 229 p.
17. Staal F. Ritual and mantras: rules without meaning. — Motilal Banarsidass Publ., 1996. 490 p.
18. Селигман А., Веллер Р., Пьет М., Саймон Б. Да здравствует ритуал! (Ритуалы и их последствия: там, где не нужна искренность): введение к книге // Историческая психология и социология истории. 2009. № 2. С. 171-183.

References (transliteration):

1. Bell C. Ritual Theory, Ritual Practice. — Oxford University Press, 1992. 270 p.
2. Bell C. Ritual: Perspectives and Dimensions. — Oxford University Press, 2009. 351 p.
3. Gane R. Ritual dynamic structure. — Gorgias Press LLC, 2004. 398 p.
4. Grimes R. Beginnings in Ritual Studies. — CreateSpace, 2010. 272 p.
5. Grimes R. Deeply Into the Bone: Re-Inventing Rites of Passage. — University of California Press, 2002. 393 p.
6. Grimes R. Marrying & Burying: Rites of Passage in a Man's Life. — CreateSpace, 2010. 298 p.
7. Grimes R. Reading, Writing, and Ritualizing: Ritual in Fictive, Liturgical and Public Places (Parish studies). — Pastoral Press, 1993. 312 p.
8. Grimes R.L. Reimagining ritual theory / Inaugural Oration. Faculty of Religious Studies. Radboud University Nijmegen, April 27, 2006. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://webdoc.ubn.ru.nl/mono/g/grimes_r/reimrith.pdf
9. Grimes R. Reimagining ritual theory: John Bourke among the Hopis. — Nijmegen, 2006. 20 p.
10. Grimes R. Rite out of Place: Ritual, Media, and the Arts. — Oxford University Press, 2006. 216 p.
11. Grimes R. Ritual Criticism: Case Studies in Its Practice, Essays on Its Theory. — Booksurge Llc, 2010. 218 p.
12. Grimes R. Symbol and Conquest: Public Ritual and Drama in Santa Fe, New Mexico. — University of New Mexico Press; 1992. 281 p.
13. Payne R. Feeding the Gods: The Shingon Fire Ritual: PhD. dissertation. — Graduate Theological Union, 1985. 487 p.
14. Rappaport R.A. Ritual and religion in the making of humanity. — Cambridge University Press, 1999. 535 p.
15. Readings in ritual studies / Ed. by Grimes R. — Prentice Hall, 1996. 577 p.
16. Ritual and its consequences: an essay on the limits of sincerity / ed. by A.B.Seligman. — Oxford University Press, 2008. 229 p.
17. Staal F. Ritual and mantras: rules without meaning. — Motilal Banarsidass Publ., 1996. 490 p.
18. Seligman A., Veller R., P'et M., Saymon B. Da zdravstvuet ritual! (Ritualy i ikh posledstviya: tam, gde ne nuzhna iskrennost'): vvedenie k knige // Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii. — 2009. № 2. S. 171-183.